

Артур Конан дойл

Этюд в багровых тонах

*Часть сборника
Все приключения Шерлока
Холмса*

Артур Конан Дойл

Этюд в багровых тонах

«АСТ»

1887

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

Дойл А.

Этюд в багровых тонах / А. Дойл — «АСТ», 1887

«В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете и отправился в Нетли для прохождения курса полевой хирургии. По окончании занятий, в положенный срок, я был приписан в качестве ассистента хирурга к Пятому Нортумберлендскому стрелковому полку. Мой полк в то время стоял в Индии, и, прежде чем я прибыл на место службы, началась Вторая афганская кампания. Высадившись в Бомбее, я узнал, что моя часть, преодолев перевалы, уже продвинулась далеко в глубь территории противника. Вместе со многими другими офицерами, оказавшимися в такой же ситуации, я отправился вдогонку и, благополучно добравшись до Кандагара, нашел свой полк и сразу же приступил к исполнению новых обязанностей...»

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Дойл А., 1887
© АСТ, 1887

Содержание

Часть первая	5
1. Мистер Шерлок Холмс	5
2. Метод научной дедукции	10
3. Тайна Лористон-Гарденс	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Артур Конан Дойл

Этюд в багровых тонах

Часть первая

Воспоминания Джона Х. Уотсона, доктора медицины, отставного военного врача

1. Мистер Шерлок Холмс

В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете и отправился в Нетли¹ для прохождения курса полевой хирургии. По окончании занятий, в положенный срок, я был приписан в качестве ассистента хирурга к Пятому Нортумберлендскому стрелковому полку. Мой полк в то время стоял в Индии, и, прежде чем я прибыл на место службы, началась Вторая афганская кампания². Высадившись в Бомбее, я узнал, что моя часть, преодолев перевалы, уже продвинулась далеко в глубь территории противника. Вместе со многими другими офицерами, оказавшимися в такой же ситуации, я отправился вдогонку и, благополучно добравшись до Кандагара, нашел свой полк и сразу же приступил к исполнению новых обязанностей.

Многим эта кампания принесла славу и продвижение по службе, но для меня обернулась сплошными неудачами и бедствиями.

Переведенный из своего полка в Беркширский, я участвовал в роковой битве при Мейванде³. Там был ранен в плечо джезайльской пулей⁴, которая раздробила мне кость и задела подключичную артерию. Я непременно попал бы в руки кровожадных газизов⁵, если бы не преданность и храбрость моего ординарца Мюррея; он взвалил меня на вычную лошадь и благополучно доставил на британские позиции.

Измученного болью и ослабленного долгими лишениями, которые выпали на мою долю, меня с полным обозом других раненых отвезли в главный госпиталь, располагавшийся в Пешаваре. Там я оправился от ранения и окреп настолько, что уже ходил по палате и даже понемногу загорал на веранде, но тут меня внезапно сразил брюшной тиф – это вечное проклятие наших индийских владений. Несколько месяцев жизнь моя висела на волоске, а когда я наконец пришел в себя и начал выздоравливать, то оказался так слаб и истощен, что консилиум врачей решил, не медля ни дня, отправить меня в Англию. Меня доставили на транспортное судно «Оронт» и месяц спустя высадили в Портсмуте с непоправимо разрушенным здоровьем. Впрочем, отечески заботливое правительство разрешило мне использовать следующие девять месяцев на то, чтобы попытаться поправить его.

В Англии я не имел ни друзей, ни родственников, поэтому был свободен как ветер – по крайней мере настолько, насколько может быть свободен человек, получающий одиннадцать шиллингов и шесть пенсов в день. В подобных обстоятельствах меня, естественно, потянуло в Лондон, в этот отстойник, куда непреодолимо стекаются все праздношатающиеся бездель-

¹ Викторианский королевский госпиталь, расположенный неподалеку от Саутгемптона. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Речь идет о кампании 1878–1880 годов.

³ Битва при Мейванде, Афганистан, 27 июля 1880 года; закончилась поражением британцев.

⁴ Афганцы использовали пули, начиненные осколками ржавого металла и гвоздей.

⁵ То есть свирепых мусульманских воинов, беспощадно уничтожавших «неверных».

ники Империи. Там я жил некоторое время в частной гостинице на Стрэнде, ведя тоскливое и бессмысленное существование и тратя имевшиеся у меня деньги весьма беспечно. Вскоре мое финансовое положение стало ужасающим, и я понял, что должен либо покинуть столицу и удалиться в деревню, либо совершенно изменить образ жизни. Сделав выбор в пользу последнего, я начал раздумывать над тем, чтобы съехать из гостиницы и поселиться в каком-нибудь менее фешенебельном и дорогом жилище.

В тот самый день, когда я пришел к этому решению, в «Крайтирион-баре» кто-то похлопал меня по плечу, и, обернувшись, я узнал молодого Стэмфорда, некогда работавшего у меня фельдшером в госпитале «Бартс»⁶. Одиному человеку всегда приятно увидеть дружеское лицо в необозримой пустыне Лондона. В прежние времена мы со Стэмфордом не были закадычными друзьями, но теперь я приветствовал его с бурным восторгом, и он тоже, казалось, искренне обрадовался встрече. В порыве чувств я пригласил его пообедать со мной в ресторане «Холборн», куда мы и отправились в извозчикьей пролетке.

– Что, черт возьми, происходило с вами все это время, Уотсон? – спросил он с нескрываемым изумлением, пока мы тряслись по запруженным людьми лондонским улицам. – Вы тощий, как жердь, и коричневый, как орех.

Я кратко поведал ему о своих приключениях и едва успел закончить рассказ, как мы прибыли к месту назначения.

– Бедолага! – посочувствовал Стэмфорд, выслушав сагу о моих несчастьях. – И чем же вы занимаетесь теперь?

– Ищу жилье. Пытаюсь решить проблему: можно ли найти удобную квартиру за разумную цену?

– Как странно, – заметил мой спутник, – за сегодняшний день вы второй человек, от которого я слышу это выражение.

– А кто был первым? – поинтересовался я.

– Один мой приятель, работающий в химической лаборатории госпиталя. Он присмотрел славную квартиру и сегодня утром жаловался, что не может найти партнера, чтобы снять ее на двоих, – ему одному она не по карману.

– Вот это удача! – воскликнул я. – Если ему действительно нужен компаньон, чтобы разделить жилье и плату за него, я для него как раз то, что нужно. Я определенно предпочел бы иметь сотоварища, чем прозябать в одиночестве.

Молодой Стэмфорд посмотрел на меня поверх бокала немного странным взглядом.

– Вы ведь пока не знакомы с Шерлоком Холмсом, – сказал он. – Возможно, он и не подойдет вам в качестве постоянного компаньона.

– Почему? С ним что-то не так?

– О нет. Просто он слегка чудаковат – энтузиаст в некой отрасли знания, но, судя по всему, человек вполне порядочный.

– Он, наверное, изучает медицину? – предположил я.

– Нет. Я понятия не имею, что именно изучает Холмс. Кажется, он преуспел в анатомии и первоклассный химик, но, насколько мне известно, систематически медициной никогда не занимался. Его занятия очень бессистемны и необычны, но благодаря им Холмс накопил такое количество побочных знаний, что поразил бы любых профессоров.

– И вы никогда не спрашивали у него, чем конкретно он занимается? – удивился я.

– Нет. Холмс не из тех, кого легко разговорить, хотя бывает весьма словоохотлив, когда им овладевает некая фантазия.

– Я хотел бы с ним познакомиться. Если уж делить с кем-нибудь жилье, я предпочел бы человека со спокойными привычками и преданного науке. Для шума и острых ощущений я

⁶ Старейшая лондонская больница.

еще недостаточно окреп. Всего этого я столько испытал в Афганистане, что хватит до конца моего земного существования. Так как же мне познакомиться с вашим приятелем?

– Он наверняка у себя в лаборатории. Холмс либо неделями глаз туда не кажет, либо работает там с утра до ночи. Если хотите, можно поехать к нему сразу после обеда.

– Конечно, – обрадовался я, и разговор переключился на другие темы.

После того как мы вышли из «Холборна» и направились в госпиталь, Стэмфорд поведал мне еще кое-что об особенностях джентльмена, с которым я вознамерился соседствовать.

– Только если вы с ним не поладите, меня не вините, – предупредил он. – Я знаю о нем лишь то небольшое, что успел выяснить во время случайных встреч в лаборатории. Поскольку вы сами решили с ним съехаться, вся ответственность ложится на вас.

– Если мы не поладим, то попросту расстанемся, – ответил я и добавил: – Стэмфорд, по моему, вы умываете руки не без причины. Может быть, у этого человека чудовищный характер или есть что-то еще? Не бойтесь, скажите откровенно.

– Не так-то просто выразить невыразимое, – рассмеялся он. – На мой вкус, Холмс слишком одержим наукой, и порой это граничит с бездушием. Я, например, вполне могу представить себе, как он дает другу щепотку новейшего растительного алкалоида – и не по злобе, уверяю вас, а из любви к научному эксперименту: чтобы скрупулезно зафиксировать симптомы воздействия яда. Но, надо отдать ему должное, полагаю, скорее и с полной готовностью он примет препарат сам. Судя по всему, у Холмса страсть к точному и проверенному знанию.

– В этом нет ничего дурного.

– Конечно, но иногда он преступает границу. Когда дело доходит до избиения палкой трупов в прозекторской, это выглядит слишком уж эксцентрично.

– Избиения трупов?!

– Да, чтобы проверить, в течение какого времени после смерти на теле могут образоваться синяки. Я своими глазами видел, как Холмс это проделывает.

– И вы еще говорите, что он не изучает медицину?

– Нет. Одному Богу известно, каков предмет его научных поисков. Но вот мы и приехали, так что сейчас у вас появится возможность составить о нем собственное представление.

При этих его словах мы свернули в узкий проулок и вошли в маленькую боковую дверь, ведущую в одно из крыльев большого госпиталя. Здесь все было мне знакомо, и я не нуждался в проводнике, чтобы подняться по тускло освещенной каменной лестнице и пройти по длинному коридору с открывающейся перспективой беленых стен и выкрашенных серовато-коричневой краской дверей. Ближе к концу коридора низкая арка открывала проход в боковое ответвление, упирающееся в химическую лабораторию.

Это была комната с высоким потолком и выстроившимися на полках вдоль стен, а кое-где стоящими как попало разнообразными пузырьками и склянками. На широких низких столах, расставленных без всякой системы, теснились реторты, пробирки и маленькие бунзеновские горелки, над которыми колыхались мерцающие язычки синего пламени. В комнате находился только один исследователь. Поглощенный работой, он сидел, склонившись над дальним столом. Услышав наши шаги, он оглянулся и вскочил с радостным криком.

– Я нашел его! Нашел! – сообщил он моему спутнику, бросаясь к нам с пробиркой в руке. – Я нашел реагент, который осаждает только гемоглобин, и ничего больше.

Найди он золотую жилу, большего восторга его лицо все равно не выразило бы.

– Доктор Уотсон, мистер Шерлок Холмс, – представил нас друг другу Стэмфорд.

– Рад познакомиться, – сердечно произнес Холмс, сжав мою руку с силой, какой я в нем не предполагал. – Вижу, вы прибыли из Афганистана.

– Господи, как вы это узнали? – Я был потрясен.

– Не важно. – Он усмехнулся чему-то своему. – Сейчас главное – гемоглобин. Вы, конечно, понимаете значение этого моего открытия?

– С точки зрения химии это, безусловно, интересно, – ответил я. – Но что касается практической пользы...

– Помилуйте! Это самое полезное для судебной медицины открытие за все последние годы. Неужели вы не догадываетесь, что оно дает возможность проводить безошибочно точный анализ следов крови? Идите же сюда! – Холмс нетерпеливо схватил меня за рукав и потянул к своему столу. – Давайте-ка добудем немного свежей крови. – Он вонзил себе в палец длинную иглу и всосал показавшуюся каплю крови химической пипеткой. – Теперь я развожу это небольшое количество крови в литре воды. Видите, раствор по-прежнему выглядит как совершенно чистая вода. Содержание крови в нем не превышает одной миллионной доли. И тем не менее я не сомневаюсь, что мы получим характерную реакцию.

Продолжая говорить, Холмс всыпал в сосуд несколько белых кристаллов и добавил две-три капли прозрачной жидкости. В следующий же миг содержимое сосуда приобрело тусклый красновато-коричневый цвет, и на дно выпал коричневый осадок.

– Ха-ха! – ликующе воскликнул Холмс, хлопая в ладоши и глядя восторженно, как ребенок, получивший новую игрушку. – Ну, что вы об этом думаете?

– По-моему, это очень тонкий анализ, – заметил я.

– Превосходный! Превосходный! Старый гваяколовый⁷ анализ чересчур громоздок и неточен, как и исследование частиц крови под микроскопом. Последнее вообще теряет всякий смысл, если кровавые пятна оставлены несколько часов назад. А мой новый анализ, видимо, вообще не зависит от давности пятен. Если бы эта методика существовала раньше, сотни людей, поныне свободно топчущих землю, были бы давным-давно осуждены за свои преступления.

– В самом деле! – пробормотал я.

– Очень часто расследование упирается в эту единственную загвоздку. Представьте себе: человека заподозрили в преступлении, совершенном, быть может, за несколько месяцев до того. Осмотрев его белье или одежду, нашли на них коричневатые пятна. Что они собой представляют: следы крови, грязи или ржавчины, а может, это следы фруктового сока или что-то еще? Этот вопрос ставил в тупик многих экспертов. А почему? Потому что не существовало надежной методики анализа. Теперь есть анализ по Шерлоку Холмсу, и больше никаких трудностей не будет.

Его глаза сияли, и, прижав руку к сердцу, он поклонился воображаемой рукоплещущей толпе.

– Вас следует поздравить, – заметил я, весьма удивленный его безудержным энтузиазмом.

– В прошлом году во Франкфурте расследовали дело фон Бишхоффа. Если бы мой анализ был уже принят на вооружение, преступника непременно повесили бы. А еще было дело Мейсона из Брэдфорда, дела пресловутого Мюллера, Лефевра из Монпелье, Сэмсона из Нового Орлеана. Я могу назвать десятки дел, в расследовании которых мой анализ сыграл бы решающую роль.

– Вы просто ходячая энциклопедия преступлений, – рассмеялся Стэмфорд. – Вам впору основать соответствующую газету. Назовите ее «Полицейские новости из прошлого».

– И, уверяю вас, это было бы весьма увлекательное чтение, – подхватил Шерлок Холмс, заклеивая прокол на пальце пластырем. – Нужно быть осторожным, – объяснил он, обернувшись ко мне с улыбкой, – я много вожусь с ядами. – Холмс вытянул руку, и я заметил, что вся она покрыта кусочками пластыря и во многих местах обесцвечена сильными кислотами.

– А мы пришли по делу. – Стэмфорд уселся на высокий трехногий стул и мысом ботинка подтолкнул мне другой такой же. – Вот этот мой друг хочет снять берлогу, а поскольку вы

⁷ Слово происходит от названия произрастающего в Вест-Индии и Южной Америке гваякового дерева.

жаловались, что не можете найти напарника, который согласится оплачивать квартиру пополам с вами, я решил свести вас.

Шерлока Холмса, похоже, восхитила идея соседствовать со мной.

– Я приглядел квартиру на Бейкер-стрит, – пояснил он. – Думаю, она подошла бы нам по всем статьям. Надеюсь, вы ничего не имеете против запаха крепкого табака?

– Я сам всегда курил матросскую махорку, – ответил я.

– Прекрасно. Еще у меня повсюду стоят химикаты, и я время от времени провожу опыты. Это не будет мешать вам?

– Ни в коей мере.

– Так, позвольте прикинуть – какие еще у меня есть недостатки. Порой на меня нападает хандра, и тогда я неделями не открываю рта. В таких случаях вы не должны думать, что я дуюсь. Просто оставьте меня в покое, и я скоро приду в норму. А вам есть в чем признаться? Если двое мужчин собираются жить вместе, худшее друг о друге им лучше знать заранее.

Меня позабавил этот допрос, и я рассмеялся.

– У меня есть щенок бульдога, и я не выношу шума из-за моих расшатанных нервов; еще я безбожно поздно встаю и чрезвычайно ленив. Когда я здоров, набор грехов у меня иной, но в настоящее время основные – эти.

– Включаете ли вы в категорию «шума» игру на скрипке? – встревожился Холмс.

– Это зависит от того, кто играет. Хорошая игра на скрипке – божественное удовольствие, плохая же...

– О, не беспокойтесь, – с радостным смехом перебил он меня. – Полагаю, мы договорились – то есть в том случае, если вас устроит квартира.

– Когда можно осмотреть ее?

– Заезжайте за мной сюда завтра в полдень, мы вместе поедem и все уладим.

– Отлично – ровно в полдень. – Я пожал ему руку.

Оставив Холмса колдовать над его реактивами, мы со Стэмфордом пешком отправились к моей гостинице.

– Кстати, – вдруг спросил я, останавливаясь, – откуда, черт побери, он узнал, что я приехал из Афганистана?

Мой спутник загадочно улыбнулся.

– Это еще одна его маленькая особенность. Очень многие хотели бы понять, откуда Холмс все узнаёт.

– О! Тайна, не так ли? – воскликнул я, радостно потирая руки. – Это очень пикантно. Весьма признателен вам за то, что вы свели нас. Помните: «Вотще за Богом смертные следят. На самого себя направо ты взгляд»⁸.

– Ну, тогда постарайтесь направить взгляд на Холмса и узнать его. – Стэмфорд помахал мне на прощание рукой. – Желаю удачи, однако увидите: это очень непростая задача. Держу пари: он о вас узнает куда больше, чем вы о нем. Прощайте.

– Прощайте, – ответил я и зашагал к гостинице, весьма заинтригованный моим новым знакомцем.

⁸ Александр Поуп. «Опыт о человеке в четырех эпистолах». Эпистола II, строки 1–2. (Перевод В. Микушевича.)

2. Метод научной дедукции

На следующий день мы встретились, как было условлено, и осмотрели квартиру на Бейкер-стрит, 221-б, о которой Холмс рассказывал накануне. Квартира состояла из двух удобных спален и общей просторной гостиной, нескучно обставленной и светлой: с двумя широкими окнами. Жилище показалось нам обоим столь идеально подходящим, а плата, если делить ее пополам, столь умеренной, что сделка была заключена немедленно, и мы вступили в права владения. Я перевез вещи из гостиницы в тот же вечер, а на следующее утро и Шерлок Холмс последовал моему примеру. Его багаж состоял из нескольких коробок и дорожных сумок. Целый день мы трудолюбиво распаковывали и раскладывали свои пожитки, чтобы обустроиться наилучшим образом. А покончив с этим, начали постепенно обживать свою новую квартиру.

Неудобным соседом Холмса со всей очевидностью назвать было нельзя: привычки он имел постоянные и мирные. Редко бодрствовал после десяти вечера, а по утрам неизменно завтракал и уходил прежде, чем я просыпался. Порой он весь день проводил в химической лаборатории, иногда – в прозекторской, а время от времени – в долгих прогулках, которые, видимо, заводили его в самые глухие и неблагополучные уголки города. Энергия его казалась неистощимой, когда Холмс впадал в рабочий раж; но периодически она словно иссякала, и он мог дни напролет лежать в гостиной на диване с окаменевшим лицом, не произнося почти ни единого слова. В подобные периоды я замечал в глазах Холмса такую мечтательную отрешенность, что, не ведя он столь трезвый и воздержанный образ жизни, я заподозрил бы его в употреблении какого-нибудь наркотика.

Неделя шла за неделей, и мой интерес к Холмсу и его жизненным устремлениям становился все глубже и настойчивее. Сама личность Холмса и его внешний облик были таковы, что привлекали внимание даже самого поверхностного наблюдателя. Ростом немногим более шести футов, он был так худ, что казался значительно выше. Взгляд у Холмса был острый и проницательный, за исключением тех периодов, когда он впадал в апатию, о них я уже упоминал; тонкий орлиный нос придавал лицу вид настороженный и решительный. Квадратный, несколько выдающийся вперед подбородок тоже свидетельствовал о том, что Холмс – человек волевой. Его руки, всегда перепачканные чернилами, изобиловали следами воздействия химических препаратов, хотя действовал он ими исключительно деликатно, в чем я неоднократно имел возможность убедиться, наблюдая, как Холмс манипулирует своим хрупким научным инструментарием.

Читатель может счесть меня неисправимым пронырой, поскольку я сам признаюсь, какое любопытство вызывал во мне этот человек и как часто я позволял себе покушаться на его сдержанность, касающуюся всего, что связано с ним самим. Однако, прежде чем вынести подобный приговор, вспомните, сколь бесцельной была тогда моя жизнь и сколь мало было в ней такого, что могло бы привлечь мое внимание. Здоровье позволяло мне выходить из дома только в очень теплую и солнечную погоду, а друзей, которые навещали бы меня и скрашивали монотонность моего повседневного существования, я не имел. Неудивительно, что в подобных обстоятельствах меня неодолимо влекла тайна, окружавшая моего нового товарища, и я тратил немало времени, пытаясь проникнуть в нее.

Медицину Холмс действительно не изучал. В ответ на мой вопрос он сам подтвердил мнение Стэмфорда на этот счет. Судя по всему, не занимался он систематически и самообразованием, что позволило бы ему претендовать на научную степень или иную форму признания, открывающую дверь в ученый мир. Тем не менее страсть Холмса к определенного рода исследованиям была настолько исключительной, а его знания в весьма редких предметах настолько обширны и доскональны, что иные его наблюдения меня просто ошеломляли. Разу-

меется, никто не стал бы работать так усердно или копить знания так тщательно, если бы не стремился достичь какого-то конкретного результата. Читатели, предающиеся бессистемному чтению, редко отличаются глубиной познаний. Ни один человек не будет эксплуатировать свой мозг, разбираясь в незначительных на первый взгляд проблемах, если у него нет весьма основательной причины делать это.

Невежество Холмса было столь же удивительным, сколь и его познания. О современной литературе, философии и политике он не знал почти ничего. Когда я процитировал Томаса Карлейля⁹, он с наивнейшим видом поинтересовался, кто это такой и чем знаменит. Однако мое изумление достигло кульминации, когда я случайно обнаружил, что Холмс – полный невежда в области теории Коперника и строения Солнечной системы. То, что в девятнадцатом веке существует человек, не имеющий понятия о том, что Земля вращается вокруг Солнца, показалось мне таким неправдоподобным, что я почти не мог в это поверить.

– Вижу, вы удивлены. – Холмс с улыбкой наблюдал за обескураженным выражением моего лица. – Но теперь, когда вы меня просветили, я постараюсь как можно скорее забыть эту информацию.

– Забыть?!

– Видите ли, – пояснил он, – по моему убеждению, человеческий мозг изначально представляет собой маленькую пустую мансарду, которую вам предстоит обставить по собственному усмотрению. Дурак тащит туда всякую деревяшку, какая встретится на пути, поэтому знание, которое ему действительно может понадобиться, вытесняется оттуда или оказывается захлапленным стольким количеством ненужных вещей, что добыть его в случае необходимости просто невозможно. Человек же разумный очень избирателен по отношению к тому, что он размещает в своей интеллектуальной мансарде. Он не станет заполнять ее ничем, кроме инструментов, нужных для выполнения его работы, но уж их-то ассортимент у него исключительно богат, и содержит их он в идеальном порядке. Ошибочно полагать, что у этого маленького помещения эластичные стены и оно может растягиваться до любых размеров. Поэтому неизбежно наступает момент, когда для того, чтобы добавить любое новое знание, приходится выкидывать из головы какое-то из ранее приобретенных. Чрезвычайно важно не допустить, чтобы бесполезные факты вытесняли полезную информацию.

– Но Солнечная система! – не унимался я.

– А какой мне в ней прок? – нетерпеливо перебил меня Холмс. – Вы говорите, что мы вращаемся вокруг Солнца. Но если бы мы вращались вокруг Луны, для моей работы это не составило бы никакой разницы.

Казалось бы, наступил подходящий момент, чтобы спросить, в чем именно состоит работа Холмса, но что-то в его манере подсказало мне, что он может счесть вопрос неуместным. Тем не менее, поразмыслив над нашим разговором, я рискнул сделать кое-какие выводы. По словам Холмса, он не запоминал ничего, что не пригодится для решения его задач. Стало быть, набор знаний, которыми он обладал, должен указывать на род его занятий. Я мысленно перечислил разнообразные сферы, в коих Холмс обнаружил высочайшую осведомленность. Даже взял карандаш и записал их. Изучая составленный документ, я не смог удержаться от улыбки. Вот как он выглядел:

Шерлок Холмс – границы знаний

1. Знание литературы – ноль.

2. Знание философии – ноль.

⁹ Карлейль, Томас (1795–1881) – английский публицист, историк и философ.

3. Знание астрономии – ноль.
4. Знание политики – слабое.
5. Знание ботаники – неоднородное: хорошо осведомлен о свойствах белладонны, опиума и ядов в целом; о практическом садоводстве не знает почти ничего.
6. Знание геологии – практическое, но ограниченное: способен по внешнему виду отличать разные виды почв; после прогулок показывал мне пятна на своих брюках и по их цвету и консистенции определял, какое в каком районе Лондона получено.
7. Знание химии – глубокое.
8. Знание анатомии – точное, но не систематизированное.
9. Знание истории криминалистики – исчерпывающее. Похоже, ему досконально известны подробности всех преступлений, совершенных в нынешнем столетии.
10. Хорошо играет на скрипке.
11. Прекрасно фехтует на деревянных мечах¹⁰, боксирует, блестяще владеет холодным оружием.
12. Обладает обширными практическими знаниями в области британского законодательства.

Дойдя до этого пункта, я в отчаянии швырнул свой список в огонь. «Если мне до сих пор не удалось понять, какую цель преследует человек, сочетая все эти знания и умения, и сообразить, какого рода призвание требует их всех, – сказал я себе, – то лучше сдаться сразу».

Выше я упомянул об искусной игре Холмса на скрипке. Мастерство его было действительно выдающимся, хотя и экстравагантным, как, впрочем, и все иные достоинства этого человека. То, что он умеет – и хорошо умеет – исполнять сложные сочинения, мне было отлично известно, поскольку по моей просьбе Холмс играл «Песни» Мендельсона и другие мои любимые произведения. Однако наедине с собой он редко извлекал из своей скрипки то, что можно было бы назвать собственно музыкой или хотя бы знакомой мелодией. По вечерам, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза, Холмс небрежно водил смычком по струнам лежавшего на коленях инструмента. Иногда он извлекал печальные и мелодичные звуки. Иногда – фантастические и бравурные. Несомненно, игра на скрипке каким-то образом соотносилась с мыслями, владевшими исполнителем, но понять, помогала ли ему эта его «музыка» думать или, напротив, лишь выражала прихотливую фантазию, было выше моих сил. Я мог бы возразить против таких раздражающих музыкальных экспериментов, если бы в качестве компенсации за испытание моего терпения Холмс не заканчивал их обычно стремительно-последовательным исполнением целой серии моих любимых мелодий.

В течение первой недели или около того нас никто не посещал, и я уже заподозрил, что у моего компаньона, как и у меня самого, нет друзей. Однако вскоре обнаружилось, что у Холмса немало знакомых, причем из самых разных кругов общества. Был среди них, например, болезненного вида мужчина с темными глазами и крысиной мордочкой, которого мне представили как мистера Лестрейда; в течение одной недели он приходил раза три или четыре. Как-то утром явилась шикарно разодетая девушка и провела у Холмса с полчаса, а то и больше. В тот же день нас посетил еще один визитер: изможденный мужчина с проседью в волосах, похожий на торговца-еврея. Он показался мне весьма взволнованным. Сразу вслед за ним пришла пожилая женщина в стоптанных башмаках. Однажды с моим компаньоном беседовал старый джентльмен с белой как лунь головой; а в другой день пришел вокзальный носильщик в вельветиновой форме. Всякий раз, когда появлялась подобная непонятная личность, Шерлок Холмс просил

¹⁰ Деревянные мечи используются вместо настоящих для обучения и тренировок.

разрешения воспользоваться нашей общей гостиной, и я удалялся в свою спальню. Он всегда приносил мне извинения за то, что был вынужден причинить неудобство. «Мне приходится использовать гостиную как рабочий кабинет, – говорил Холмс. – Эти люди – мои клиенты». В таких случаях опять представлялся удобный момент задать ему прямой вопрос, но деликатность снова и снова не позволяла мне насильно выведывать чужие секреты. В ту пору мне казалось, что у Холмса есть какая-то важная причина не раскрывать своих тайн, однако вскоре он сам развеял мои сомнения.

Это случилось четвертого марта (и было событием столь важным, что я точно запомнил дату). Проснувшись раньше обычного, я обнаружил, что Шерлок Холмс еще не кончил завтракать. Наша хозяйка так привыкла к моим поздним вставаниям, что ни моего прибора, ни моего кофе на столе еще не было. С необоснованной раздражительностью, свойственной многим людям, я позвонил в звонок, давая знать, что готов. Потом взял со стола журнал и стал просматривать его, коротая ожидание. Мой компаньон между тем продолжал молча жевать свой тост. Заголовок одной из статей был отчеркнут карандашом, и я невольно начал просматривать именно ее.

Название было немного претенциозным – «Книга жизни». Автор статьи пытался показать, как много может узнать наблюдательный человек, если тщательно и методично изучает все, что встречается ему на пути. Статья поразила меня удивительной смесью проницательности и невразумительности. Ход мысли был логичным и убедительным, но выводы казались натянутыми и нарочито преувеличенными. Автор утверждал, что по мимолетному выражению лица, произвольному сокращению мускулов или вскользь брошенному взгляду можно постичь самые потаенные мысли человека. По его словам, того, кто умеет наблюдать и анализировать, невозможно обмануть. Его безапелляционные умозаключения претендовали на безошибочность доказательств евклидовых теорем. Непосвященного выводы автора так ошеломляли, что, не имея возможности проследить за развитием мысли, приведшим к подобному результату, он мог бы счесть его колдуном.

«По одной капле воды, – утверждал автор, – логически мыслящий человек способен догадаться о существовании Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он никогда не видел ни того ни другого и не слышал о них. Жизнь всякого человека представляет собой длинную цепь взаимосвязанных событий, поэтому ее природу можно постичь по одному-единственному звену. Как любым иным видом искусства, искусством дедукции и анализа можно овладеть только посредством долгого и кропотливого труда, но жизнь слишком коротка, чтобы кто бы то ни было из смертных хоть отдаленно приблизился в нем к совершенству. Прежде чем обратиться к моральным и интеллектуальным аспектам проблемы, в которых заключаются самые большие трудности, исследователю надлежит приобрести более простые навыки. Например, при встрече с другим смертным научиться с первого взгляда распознавать его происхождение и профессию. Каким бы ребяческим ни казалось подобное занятие, оно обостряет наблюдательность и учит тому, на что следует смотреть и что искать. По ногтям человека, по рукам его пальто, по обуви, по потертости брюк на коленках, по мозолям на указательном и большом пальцах, по выражению лица и обшлагам рубашки – по всем этим деталям можно точно угадать его ремесло. Почти невозможно представить себе, чтобы все они, вместе взятые, не рассказали все умелому наблюдателю».

– Какая несусветная чушь! – воскликнул я, швыряя журнал на стол и приступая к завтраку. – Никогда в жизни не читал подобного бреда.

– Вы о чем? – поинтересовался Шерлок Холмс.

– Да вот об этой статье. – Я указал на открытую страницу яичной ложечкой. – Вижу, вы читали ее, поскольку отметили карандашом. Не спорю, написано лихо, но она раздражает меня.

Не сомневаюсь, это теория какого-нибудь бездельника, который придумывает свои складные маленькие парадоксы, не выходя из кабинета и даже не вставая с кресла. В них нет никакой практической пользы. Хотел бы я видеть, как он садится в метро в вагон третьего класса и на спор определяет профессии всех своих спутников. Я поставил бы тысячу фунтов против одного не в его пользу.

– И потеряли бы свои деньги, – спокойно возразил Холмс. – А что касается статьи, то ее написал я.

– Вы?!

– Да. У меня есть склонность как к наблюдениям, так и к дедукции. А теории, которые я изложил в статье и которые показались вам столь сумасбродными, на самом деле имеют большую практическую пользу – настолько большую, что ими я зарабатываю себе на хлеб с маслом.

– Но как именно? – невольно вырвалось у меня.

– Видите ли, у меня особая профессия. Полагаю, я единственный в мире человек, который ею занимается. Я – сыщик-консультант, если вам понятно, что это значит. Здесь, в Лондоне, куча государственных и множество частных детективов. Когда эти ребята заходят в тупик, они обращаются ко мне, и я направляю их на верный след. Они предоставляют мне все улики, и обычно, с помощью своих знаний в области истории преступлений, я помогаю им разобраться. Между преступлениями существует прочное родовое сходство, и когда вы досконально осведомлены во всех подробностях о тысячах однотипных преступлений, было бы странно, если бы вы не разгадали тысячу первое. Лестрейд – известный сыщик. Недавно он запутался в деле о подлоге, оно-то и привело его ко мне.

– А те, другие люди?

– Их в основном присылают ко мне частные сыскные агентства. Все эти люди попали в какую-нибудь беду и ищут помощи. Я выслушиваю их истории, они – мои разъяснения, после чего я кладу в карман гонорар.

– Не хотите ли вы сказать, что способны, не выходя из комнаты, распутать клубок, с которым не справились другие, видевшие все своими глазами?

– Именно это я и хочу сказать. У меня есть интуиция на подобные вещи. Правда, время от времени попадают случаи несколько более сложные. Тогда приходится посуетиться и взглянуть на кое-что собственными глазами. Я, видите ли, обладаю множеством специальных знаний, коими пользуюсь для разрешения проблем; они удивительно облегчают дело. Приемы дедукции, изложенные в статье и вызвавшие у вас столь пренебрежительное отношение, в практической работе незаменимы. Наблюдательность – моя вторая натура. Вот вы, кажется, удивились, когда я при первой встрече угадал, что вы прибыли из Афганистана.

– Бьюсь об заклад, вам кто-то сообщил об этом.

– Ничего подобного. Я сам *узнал*, что вы приехали из Афганистана. Благодаря долгой практике последовательность умозаключений проносится у меня в голове так быстро, что я делаю вывод, бессознательно опуская промежуточные звенья. Тем не менее такие звенья существуют. В данном случае мысль моя развивалась так: «Вот джентльмен, явно имеющий отношение к медицине, но есть в нем и нечто от военного. Значит, он – военный врач. Он только что приехал из тропиков, поскольку лицо у него смуглое, причем это не естественный цвет его кожи, судя по светлым запястьям. Недавно он перенес невзгоды и тяжелую болезнь, о чем явно свидетельствует его изможденное лицо. Левая рука была у него ранена: он держит ее неестественно и старается оберегать. В какой тропической стране в настоящее время английский военный врач может получить ранение и подвергнуться испытаниям? Разумеется, в Афганистане». Весь этот ход мыслей занял меньше секунды, после чего я высказал предположение, которое вас так потрясло: что вы прибыли из Афганистана.

– Теперь, когда вы объяснили, все кажется действительно простым, – улыбнулся я. – Вы напоминаете мне Дюпена из рассказов Эдгара Аллана По. Я и представить себе не мог, что подобные люди существуют в реальной жизни.

Шерлок Холмс встал и, раскурив трубку, заметил:

– Вы, безусловно, полагаете, что сделали мне комплимент, сравнив меня с Дюпеном. Но, по-моему, Дюпен был весьма ничтожной личностью. Этот его трюк, когда после четверти часа молчания он каким-нибудь вскользь брошенным замечанием дает понять, что прочел мысль собеседника, поверхностен и рассчитан на эффект. Не спорю, он не лишен кое-каких аналитических способностей, но, вне всякого сомнения, отнюдь не является исключительным феноменом, каким его, видимо, представлял себе По.

– А произведения Габорио¹¹ вы читали? – спросил я. – Отвечает ли вашим представлениям о настоящем сыщике Лекок?

Шерлок Холмс сардонически ухмыльнулся.

– Лекок был презренным «сапожником», – сердито ответил он. – В заслугу ему можно поставить разве что кипучую энергию. Эта книга меня просто бесит. Ему ведь нужно было всего-навсего установить личность заключенного. Я бы сделал это за сутки. У Лекока на это ушло не менее полугода. По этой книге сыщик должен учиться тому, как не следует работать.

Меня изрядно рассердил такой кавалерийский наскок на двух персонажей, коими я восхищался. Подойдя к окну, я стал смотреть на запруженную людьми улицу. «Этот человек, возможно, и очень умен, – сказал я себе, – но слишком уж самонадеян».

– В последнее время нет ни настоящих преступлений, ни истинных преступников, – ворчливо заметил Холмс. – Какой прок иметь мозги человеку нашей профессии? Я точно знаю, у меня их достаточно, чтобы прославить мое имя. Сейчас нет, да и раньше не было человека, который обладал бы такими обширными знаниями и был наделен таким талантом к расследованию преступлений, как я. А что толку? Расследовать-то нечего. В лучшем случае попадается какое-нибудь неуклюже сработанное злодейство, мотив которого настолько очевиден, что даже полицейский из Скотленд-Ярда видит его насквозь.

Меня по-прежнему раздражал его высокомерный тон, и я решил, что лучше сменить тему.

– Интересно, что ищет вон тот парень? – Я указал на дюжего мужчину в простой одежде, который медленно шел по другой стороне улицы, напряженно всматриваясь в номера домов. Судя по тому, что в руке он держал большой голубой конверт, мужчина был посыльным.

– Вы имеете в виду того отставного сержанта морской пехоты? – уточнил Шерлок Холмс. «Хвастун и позер! – подумал я. – Знает же, что я не могу проверить его догадку».

Не успела эта мысль промелькнуть у меня в голове, как человек, за которым мы наблюдали, заметил номер на нашей двери и быстро пересек улицу. Мы услышали громкий стук внизу, рокошующий бас, затем тяжелые шаги на лестнице.

– Для мистера Шерлока Холмса. – Войдя в комнату, мужчина протянул конверт моему товарищу.

Вот и удобный случай для разоблачения. Ведь, выстрелив наугад, Холмс не предвидел такого оборота событий.

– Могу я задать вам вопрос, приятель? – спросил я невиннейшим голосом. – Какова ваша профессия?

– Посыльный, сэр, – сипло ответил он. – Просто моя форма сейчас в ремонте.

– А кем вы были раньше? – поинтересовался я, с чуть коварной усмешкой поглядывая на своего компаньона.

¹¹ Габорио, Эмиль (1833–1873) – французский романист.

– Сержантом, сэр, королевской легкой морской пехоты, сэр. Ответа не будет? Слушаюсь, сэр.

Он щелкнул каблуками, по-военному отсалютовал и удалился.

3. Тайна Лористон-Гарденс

Признаться, меня изрядно взволновало это новое подтверждение практической пользы теорий моего компаньона. Мое уважение к его способностям неизмеримо возросло. Однако в глубине души все еще копошилось тайное сомнение: не был ли весь этот эпизод подстроен заранее, чтобы ошеломить меня, хотя зачем моему товарищу это могло понадобиться, оставалось за пределами моего разумения. Когда я снова посмотрел на Холмса, он уже закончил читать письмо, и взгляд его стал отсутствующим и тусклым: свидетельство того, что он глубоко погрузился в свои мысли.

– Как, скажите вы мне ради Бога, вам удалось это выяснить? – взмолился я.

– Выяснить – что? – раздраженно переспросил он.

– Как – что? То, что он отставной сержант морской пехоты.

– Мне некогда сейчас отвлекаться на пустяки, – резко ответил Холмс, но, спохватившись, улыбнулся и добавил: – Простите за грубость. Вы нарушили ход моей мысли, впрочем, быть может, это и к лучшему. Значит, сами вы не сообразили, что этот человек – сержант, бывший морской пехотинец?

– Конечно, нет!

– Мне было легче догадаться, чем объяснить, как я это сделал. Если бы вас попросили доказать, что дважды два – четыре, вас это тоже затруднило бы, хотя вы ничуть не сомневались бы в самом факте. Хотя человек находился на другой стороне улицы, я заметил большой синий якорь, вытатуированный на тыльной стороне его ладони. Это навело меня на мысль о море. Вместе с тем у него была военная выправка и предписанные уставом бакенбарды. Стало быть – морской флот. Вид этого человека средних лет не лишен важности и некой командирской осанки. Вам следовало заметить, как он держал голову и помахивал тростью. Выражение его лица тоже свидетельствовало о том, что это степенный, респектабельный мужчина. Все это и подсказало мне, что некогда он был сержантом.

– Потрясающе! – вырвалось у меня.

– Элементарно, – отозвался Холмс, хотя по его лицу я догадался, что ему польстили мое очевидное удивление и мое восхищение. – Только что я сказал вам, что в наши дни вывелись настоящие преступники. Похоже, я ошибался – взгляните на это! – Он бросил мне через стол письмо, доставленное посыльным.

– Господи! – воскликнул я, пробежав его глазами. – Это же ужасно!

– Это действительно, судя по всему, несколько выходит за обычные рамки, – спокойно заметил Холмс. – Не откажите в любезности прочесть мне письмо вслух.

Вот текст, который я прочел ему:

– «Мой дорогой мистер Шерлок Холмс!

Нынешней ночью в Лористон-Гарденс, 3, на Брикстон-роуд, произошло весьма неприятное событие. Около двух часов утра наш патрульный заметил свет в окне и, поскольку знал, что дом этот необитаем, заподозрил неладное. Дверь оказалась открытой, и в передней комнате, где нет никакой мебели, он обнаружил труп хорошо одетого джентльмена, в кармане которого были найдены визитные карточки на имя Еноха Дж. Дреббера из Кливленда, Огайо, Соединенные Штаты Америки. Никаких признаков ограбления и никаких улик, способных подсказать, как именно нашел свою смерть этот человек. По всей комнате видны следы крови, но на трупе – ни единой раны. Мы теряемся в догадках: как он попал в пустой дом; вообще все это дело – сплошной ребус. Если Вы сможете приехать сюда в любое время до полудня, то найдете меня здесь. Я сохранил все в *status quo* до получения Вашего ответа. Если же Вы приехать не

сможете, я сообщу Вам дополнительные подробности и буду чрезвычайно признателен, коли Вы любезно соизволите высказать свое мнение.

Искренне Ваш *Тобиас Грегсон*».

– Грегсон в Скотленд-Ярде – самый толковый, – заметил мой друг. – Они с Лестрейдом – лучшие в этой в общем-то очень слабой команде. Оба быстрые и энергичные, но слишком уж консервативные. К тому же друг с другом на ножах: ревнивы, как две профессиональные красотки. Раз в этом расследовании участвуют оба, есть шанс здорово повеселиться.

Меня удивило спокойствие, с каким звучал его голос.

– Уверен, нельзя терять ни минуты! – воскликнул я. – Может, мне пойти привести вам кеб?

– Не знаю, поеду ли. Я ведь самый неисправимый на свете ленивец и не люблю зря сбивать ноги – это, конечно, когда я не в форме, в другое время бываю весьма проворен.

– Ну как же так! Ведь это именно тот случай, о котором вы мечтали.

– Мой дорогой друг, а какой мне в этом прок? Предположим, я распутая дело. Можете не сомневаться, что Грегсон, Лестрейд и компания прикарманят мои лавры. Вот что значит быть лицом неофициальным.

– Но он просит вас помочь.

– Да. Он понимает, что я превосхожу его по всем статьям, и признает это, говоря со мной; но доведись ему говорить об этом с третьим лицом – язык проглотит. Тем не менее можно поехать посмотреть. Буду работать самостоятельно. Если ничего другого не остается, хоть посмеюсь над ними. Поехали!

Холмс быстро надел пальто и засуетился так, что стало ясно: летаргическая апатия сменилась мощным выбросом энергии.

– Берите шляпу, – распорядился он.

– Вы хотите, чтобы я ехал с вами?

– Да, если у вас нет более интересного занятия.

Минуту спустя мы уже сидели в пролетке, которая стремительно неслась по направлению к Брикстон-роуд.

Утро было туманное, небо затянули облака, коричневатая-серая дымка висела над крышами, будто отражение грязных улиц, простиравшихся вниз. Мой спутник находился в прекрасном настроении и непрерывно что-то болтал о кремонских скрипках и различиях между инструментами Страдивари и Амати¹². Что касается меня, то я молчал, меня угнетали пасмурная погода и прискорбность события, в которое нас вовлекли.

– Вы, кажется, не слишком озабочены предстоящим расследованием, – заметил я наконец, прервав музыкальные рассуждения Холмса.

– У меня пока нет данных, – ответил он. – А начинать теоретизировать до того, как имеешь на руках все улики, – большая ошибка. Это может впоследствии привести к ложным суждениям.

– Скоро вы получите данные. Вот Брикстон-роуд, а вон и тот самый дом, если не ошибаюсь.

– Не ошибаетесь. Извозчик, стой! – Мы находились ярдах в ста от нужного места, но Холмс настоял на том, чтобы последнюю часть пути мы прошли пешком.

Дом номер три в Лористон-Гарденс имел вид зловещий и словно таил в себе угрозу. Он стоял в ряду четырех зданий, выстроившихся вдоль узкого переулка, отходящего от Брикстон-роуд. Два из них были населены, два пустовали. Эти последние смотрели на мир тремя

¹² Амати из Кремоны – семейство, снискавшее в XVI–XVII веках славу великолепных скрипичных мастеров. Антонио Страдивари (1614–1737) – самый выдающийся их ученик.

шеренгами печальных пустых окон, которые казались бы еще более мрачными, если бы не наклеенные на них там и сям объявления «Сдается», напоминавшие бельма катаракты на помутневших слепых роговицах. Крохотные палисаднички, негусто окропленные чахлыми растениями, отделяли каждый дом от тротуара; их пересекали узкие желтоватые дорожки, покрытые скорее всего смесью глины и гравия. После дождя, который шел всю ночь, их развезло, грязь повсюду стояла невероятная. С внешней стороны палисадник был обнесен трехфутовой кирпичной стенкой с деревянными перилами поверху. Прислонившись к ней, у дома номер три стоял констебль в окружении небольшой группы зевак; они вытягивали шеи и напрягали зрение в тщетной надежде увидеть хоть что-нибудь из происходившего внутри.

Я представлял себе, что Шерлок Холмс тут же ринется в дом и погрузится в разгадывание тайны. Но он был чрезвычайно далек от подобного намерения. С беспечным видом, который при данных обстоятельствах почти граничил с притворством, Холмс слонялся туда-сюда по тротуару, отсутствующим взглядом обозревая землю, небо, дома на противоположной стороне и деревянные перила. Завершив свое обследование, он медленно двинулся по дорожке, точнее, по травяной кромке, обрамлявшей ее, не отрывая при этом глаз от земли. Дважды Холмс останавливался, один раз я заметил на его лице улыбку и услышал, как он издал довольный возглас. На мокрой глинистой почве виднелось множество следов, но поскольку полицейские в последние часы беспрестанно ходили по ней взад-вперед, я не понимал, как мой компаньон надеется хоть что-нибудь узнать по этим затоптанным следам. Тем не менее я уже располагал неопровержимыми свидетельствами быстроты его реакции и незаурядной проницательности, поэтому вполне допускал, что Холмс увидит многое, скрытое от моего взора.

У входа в дом нас встретил высокий бледнолицый человек с соломенными волосами и блокнотом в руке. Он бросился навстречу моему товарищу и с излияниями благодарности пожал ему руку.

– Как любезно, что вы приехали, – сказал он. – Я оставил здесь все как было.

– Кроме этого! – возразил мой друг, указывая на дорожку. – Даже если бы тут прошло стадо буйволов, едва ли оно оставило бы после себя такое месиво. Впрочем, не сомневаюсь, Грегсон, что, прежде чем допустить это безобразие, вы осмотрели следы и сделали выводы из своих наблюдений.

– У меня было столько дел в доме, – уклончиво ответил детектив. – Здесь мой коллега, мистер Лестрейд. Я понадеялся, что он проследит за этим.

Холмс взглянул на меня и саркастически поднял бровь.

– При наличии двух таких профессионалов, как вы и Лестрейд, третьему лицу здесь почти нечего делать.

Грегсон самодовольно потер руки.

– Полагаю, мы сделали все, что следовало, – ответил он. – Тем не менее дело это необычное, а я знаю, что вы такие любите.

– Вы приехали сюда не в кебе? – спросил Шерлок Холмс.

– Нет, сэр.

– А Лестрейд?

– Тоже нет, сэр.

– Тогда пойдемте осмотрим комнату, – без всякой логики заключил Холмс и вошел в дом, сопровождаемый Грегсоном, чье лицо выражало полное недоумение.

Короткий пыльный коридор с голыми стенами упирался в кухню и прочие подсобные помещения. Справа и слева имелись две двери. Одну из них, совершенно очевидно, не открывали уже много недель. Другая вела в столовую. Это и была та комната, где случилось таинственное происшествие. Холмс вошел в нее, и я последовал за ним, испытывая глубокую подавленность, которую всегда вызывало во мне присутствие смерти.

Большая квадратная комната из-за отсутствия мебели выглядела еще более просторной. Стены были обклеены вульгарными обоями с кричащим рисунком, местами они покрылись пятнами плесени, а кое-где оторвались и свисали длинными лохмами, обнажая желтую штукатурку. Напротив двери находился такой же безвкусно-шикарный камин с полкой из поддельного белого мрамора. На одном ее краю стоял огарок красной восковой свечи. Единственное окно было таким грязным, что пропускало в комнату лишь тусклый неверный свет, придававший всему находившемуся в ней уныло-серый оттенок. Это впечатление усугублялось толстым слоем пыли, покрывавшим всю квартиру.

Но все это я разглядел потом. А в первый момент мое внимание полностью сосредоточилось на одинокой, зловеще-неподвижной фигуре, которая лежала на полу, уставившись в бесцветный потолок пустыми незрячими глазами. Это был человек лет сорока трех – сорока четырех, среднего роста, широкоплечий, с жесткими выющимися черными волосами и короткой щетинистой бородой. На нем были сюртук из плотного сукна, жилет, светлые брюки и безукоризненно белая рубашка. Шляпа с высокой тульей, идеально чистая, ничуть не поврежденная, лежала на полу рядом. Руки, стиснутые в кулаки, широко раскинуты, ноги сведены в мучительной предсмертной судороге. Застывшие черты выражали ужас и, как мне показалось, такую ненависть, какой я никогда еще не видел на человеческом лице. Эта злобная, чудовищная гримаса в сочетании с низким лбом, тупо обрубленным носом и выпирающими скулами придавала мертвецу вид обезьяны, усугублявшийся неестественно скрюченной позой. Мне случалось видеть смерть во многих обликах, но никогда еще она не представляла более ужасающей, чем теперь, в этой плохо освещенной мрачной комнате, окно которой выходило на одну из главных артерий лондонского предместья.

Лестрейд, тощий и, как всегда, похожий на хорька, приветствовал нас с Холмсом в дверях.

– Это дело вызовет много шума, сэр, – заметил он. – Оно затмевает все, что я видел до сих пор, а я не желторотый юнец.

– Нашли какие-нибудь зацепки? – спросил Грегсон.

– Никаких, – отрапортовал Лестрейд.

Шерлок Холмс приблизился к телу и, опустившись на колени, внимательно осмотрел его.

– Вы уверены, что на нем нет ран? – спросил он, указывая на многочисленные брызги и разводы крови, видневшиеся повсюду.

– Абсолютно! – воскликнули разом оба детектива.

– Тогда кровь, разумеется, принадлежит второму лицу – предположительно убийце, если здесь действительно произошло убийство. Это напоминает мне обстоятельства, сопутствовавшие смерти ван Янсена, имевшей место в Утрехте в 1834 году. Помните это дело, Грегсон?

– Нет, сэр.

– Почитайте о нем – вам будет полезно. Ничто не ново под луною. Все когда-нибудь уже было.

Пока Холмс говорил, его проворные пальцы порхали туда-сюда, ощупывая, надавливая, расстегивая пуговицы, изучая, между тем как взгляд хранил отсутствующее выражение, которое я отметил ранее. Осмотр был произведен так быстро, что едва ли кто-нибудь догадался бы, сколь он тщателен. В заключение Холмс обнюхал губы покойного и взглянул на подошвы его лакированных ботинок.

– Его совсем не сдвигали с места? – спросил он.

– Не более чем было необходимо, чтобы осмотреть.

– Можете увозить в морг, – распорядился Холмс. – Больше мы от него ничего не узнаем.

У Грегсона наготове было четверо мужчин с носилками. По его приказу они вошли в комнату, подняли мертвеца и унесли. В тот момент, когда они перекладывали его на носилки,

на пол, тихо звякнув, упало и покатилося кольцо. Лестрейд схватил его и стал озадаченно разглядывать.

– Здесь была женщина! – воскликнул он, протягивая колечко на вытянутой ладони. – Это женское обручальное кольцо.

Мы сгрудились вокруг инспектора, уставившись на находку. Никто не сомневался, что некогда этот гладкий золотой ободок украшал палец новобрачной.

– Это осложняет дело, – сказал Грегсон. – Хотя, видит Бог, оно и без того достаточно запутанное.

– А вы не думаете, что это упрощает его? – спросил Холмс. – Впрочем, хватит без толку глазеть на кольцо. Что вы нашли у него в карманах?

– Вот, все здесь, – ответил Грегсон, выводя нас на крыльцо и указывая на кучку предметов, выложенных на нижней ступеньке. – Золотой брегет лондонской часовой фирмы «Барро» за номером 97163 на золотой альбертианской¹³ цепи, очень тяжелой и массивной. Золотое кольцо с масонской эмблемой. Золотая булавка для галстука в виде головы бульдога с рубиновыми глазами. Визитница из русской кожи с карточками на имя Еноха Дж. Дреббера из Кливленда, что соответствует меткам «ЕДД» на белье. Кошелек не было, но в карманах имелись деньги в сумме семи фунтов тринадцати шиллингов. Карманное издание «Декамерона» Боккаччо, на форзаце – имя некоего Джозефа Стэнджерсона. Два письма: одно адресовано Е. Дж. Дребберу, другое – Джозефу Стэнджерсону.

– Какой адрес на конвертах?

– Американский почтовый пункт, Стрэнд, до востребования. Оба письма отправлены из паровой компании «Гион» и касаются расписания судов этой компании, отплывающих из Ливерпуля. Ясно, что этот несчастный собирался вернуться в Нью-Йорк.

– Вы что-нибудь попытались узнать об этом Стэнджерсоне?

– Разумеется, сэр, первым делом, – ответил Грегсон. – Я разослал объявления во все газеты и отправил своего человека в Американский почтовый пункт, но он еще не вернулся.

– А запрос в Кливленд послали?

– Мы телеграфировали туда еще утром.

– Что вы написали в телеграмме?

– Просто обрисовали ситуацию и попросили сообщить нам любые сведения, которые могут помочь следствию.

– Вы не задали никаких конкретных вопросов, которые кажутся вам существенными?

– Я спросил о Стэнджерсоне.

– Больше ничего? По-вашему, нет здесь особого обстоятельства, на коем зиждется все это дело? Не хотите телеграфировать дополнительные вопросы?

– Я спросил все, что должен был спросить, – обиженно возразил Грегсон.

Шерлок Холмс усмехнулся и собирался было сделать какое-то замечание, когда Лестрейд, который оставался в комнате, пока мы беседовали на крыльце, снова появился на сцене, торжественно и самодовольно потирая руки.

– Мистер Грегсон, – сказал он, – я только что сделал открытие чрезвычайной важности: нашел улику, которая была бы упущена, не осмотрев я стены с должной скрупулезностью. – Глаза коротышки сверкали, он с трудом сдерживал ликование оттого, что утер нос коллеге. – Идите сюда, – позвал он, бросаясь в комнату, атмосфера которой словно немного очистилась после того, как унесли ужасного обитателя этой комнаты. – Встаньте-ка здесь! – Лестрейд зажег

¹³ Цепь для карманных часов, составленная из массивных звеньев; свое название получила по имени Альберта (1819–1861), мужа королевы Виктории.

спичку, чиркнув ею о подошву, и, приблизив огонек к стене, с ликованием произнес: – Взгляните на это!

Я уже говорил, что в некоторых местах обои оторвались. В том углу, куда указывал Лестрейд, со стены свисал большой лоскут, обнажая желтый квадрат грубой штукатурки. Поперек него кроваво-красными буквами было написано одно слово:

RACHE

– Ну, что вы об этом думаете? – воскликнул детектив с видом балаганного зазывалы, желающего привлечь внимание публики к выступлению. – Этой надписи никто не заметил, потому что она находится в самом темном углу, никому не пришло в голову сюда заглянуть. Убийца написал – или написала – это собственной кровью. Взгляните на потек, здесь кровь стекала по стене! Это, во всяком случае, исключает версию самоубийства. Хотите знать, почему был выбран именно этот угол? Я вам скажу. Видите свечу на каминной полке? В тот момент она горела, и этот угол был не самым темным, а самым освещенным участком стены.

– Ну и что означает эта ваша находка? – презрительно спросил Грегсон.

– Что означает? Ну как же, она означает, что человек хотел написать женское имя Рейчел, но что-то помешало ему закончить. Помяните мое слово, когда это дело будет раскрыто, окажется, что к нему так или иначе причастна некая женщина по имени Рейчел. Можете сколько угодно смеяться, мистер Шерлок Холмс. Вы, конечно, очень умны и догадливы, но, когда все уже сказано и сделано, нет ничего лучше старой ищейки.

– Простите великодушно! – извинился мой компаньон, который так рассердил коротышку, не сдержав смеха. – Разумеется, вам следует отдать должное как первому среди нас, кто нашел эту надпись. Она, как вы справедливо заметили, наверняка была сделана вторым участником таинственных событий, случившихся здесь прошлой ночью. Я не успел еще осмотреть комнату, но, с вашего позволения, сделаю это теперь.

Продолжая говорить, Холмс достал из кармана рулетку и большую круглую лупу и с этими двумя инструментами начал бесшумно обходить комнату, иногда останавливаясь, иногда опускаясь на колени, а однажды даже распластался ничком на полу. Поглощенный своим занятием, он, казалось, забыл о нашем присутствии: все время бормотал что-то себе под нос, то ворча, то присвистывая, то радостно издавая тихие одобрительные возгласы. Пока я наблюдал за ним, мне невольно пришло на ум сравнение с чистопородной, хорошо выдрессированной английской паратой гончей, стремительно мечущейся по лесной чаще в поисках утеряннного следа. Холмс продолжал свои изыскания минут двадцать, а то и больше, тщательно вымеряя расстояния между некими неведомыми мне отпечатками и время от времени прикладывая рулетку к стене с равным образом непостижимыми для меня целями. В одном месте он очень аккуратно собрал с пола небольшую кучку серой пыли и ссыпал ее в конверт. Наконец Холмс исследовал с помощью лупы надпись на стене, задерживаясь на каждой букве с дотошнейшим вниманием. Покончив и с этим, он, видимо, остался доволен, потому что спрятал в карман и рулетку, и лупу.

– Говорят, гений – это прежде всего способность неустанно прилагать усилия, – заметил с улыбкой Холмс. – Совершенно неправильное определение, но по отношению к работе сыщика оно справедливо.

Грегсон и Лестрейд наблюдали за маневрами своего коллеги-любителя с изрядным любопытством и отчасти с презрением. Судя по всему, они не поняли то, что начинало доходить до меня: все мельчайшие действия Шерлока Холмса направлены к одной определенной практической цели.

– Ну и что вы об этом думаете, сэр? – спросили они одновременно.

– Не хочу лишать вас заслуги раскрытия этого дела и претендую только на роль помощника, – скромно заметил мой друг. – Вы так успешно продвигаетесь вперед, что любое вмешательство неуместно. – Голос Холмса был преисполнен сарказма. – Однако если вы сочтете возможным держать меня в курсе вашего расследования, в дальнейшем я буду счастлив помочь чем смогу. А пока я хотел бы поговорить с констеблем, обнаружившим труп. Не сообщите ли мне его имя и адрес?

Лестрейд заглянул в свой блокнот и сказал:

– Его зовут Джон Рэнс. Сегодня он выходной, но вы сможете найти его по адресу Одли-Корт, сорок шесть, Кеннингтон-парк-гейт.

Холмс записал адрес.

– Пошли, доктор, – сказал он. – Навестим его. Готов все же сообщить кое-что, что поможет вам, – обратился он к детективам. – Здесь произошло убийство, убийца – мужчина. Это человек ростом более шести футов, в расцвете сил, у него маленькие для его роста ступни; он был обут в грубые ботинки с квадратными мысами и курил трихинопольскую сигару. Сюда он прибыл вместе со своей жертвой в четырехколесном кебе, запряженном одной лошадью с тремя старыми подковами и одной новой – на правой передней ноге. Скорее всего у убийцы красное лицо, а на правой руке необычно длинные ногти. Вот несколько незначительных примет, но, вероятно, они окажутся полезными вам.

Лестрейд и Грегсон переглянулись, недоверчиво улыбаясь.

– Если этого человека действительно убили, то как это было сделано? – спросил первый.

– Яд, – коротко сообщил Холмс и решительно направился к выходу, но в дверях обернулся и добавил: – А «Rache» по-немецки означает «мечь», так что не теряйте времени на поиски мисс Рейчел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.